

Хрустальные люстры в холле клуба горели ослепительным светом, напоминая тщательно подготовленные похороны. По обе стороны длинного стола сидели облаченные в костюмы директора, представители СМИ и юридические советники. В воздухе не было слышно аплодисментов — раздавался лишь шелест перекладываемых бумаг и звуки сдержанного кашля.

— По результатам расследования, победа Группы Никчемы признана недействительной, — голос председателя звучал словно тупой нож, режущий мясо. — Тактические нарушения, незаконное вмешательство тренера, грубое нарушение спортивной этики.

Се Линь сидел на самом дальнем конце стола. На нем не было пальто, только выстиранная добела тренировочная форма, а тренерский значок на груди отсвечивал холодным блеском в лучах света. Он не оправдывался, не опускал голову — он просто смотрел на ту самую распечатанную фотографию с чемпионским кубком, лежащую на столе. Лу Цзин стоял в самом центре, весь в крови, но улыбался так, будто выиграл весь мир.

— Тренер Се Линь, — председатель поправил очки. — Вы подозреваетесь в психологическом манипулировании игроками, использовании их душевных травм для стимуляции сверхрезультатов. Согласно регламенту лиги, с сегодняшнего дня вам пожизненно запрещается заниматься тренерской деятельностью без права восстановления в должности.

В зале воцарилась тишина.

Лу Цзин поднялся.

Он не подошел к ним и ничего не сказал, а лишь медленно расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, обнажая туго замотанную бинтами левую ногу. Кровь уже проступила сквозь ткани, напоминая высохшие цветы.

Он вытащил из кармана ту самую чемпионскую грамоту, пропитанную кровью и тщательно склеенную им же скотчем.

— Вам нужен был чемпионский титул, — его голос звучал негромко, но резал слух, как лезвие стекло. — А то, что давали вы — это кандалы.

Он взмахнул руками —

Шорох разрываемой бумаги.

На глазах у всех грамота раскололась пополам, а затем разлетелась на четыре части. Обрывки закружились в воздухе, словно то разорванное семь лет назад доносное письмо.

Он наклонился и аккуратно вытащил из кармана формы Се Линя тот самый значок.

Серебряный, с потертыми до блеска краями, на обратной стороне которого было выгравировано: Моя первая тренировочная база — Первый тренер — Се Линь.

Лу Цзин подошел к доске объявлений и вытащил из кармана ржавый гвоздь — тот самый, который он подобрал во дворе тренировочной базы в семилетнем возрасте и все эти годы носил с собой.

Щелчок.

Гвоздь пронзил значок и глубоко вонзился в деревянную доску объявлений.

— Это не слава, — Лу Цзин не сводил глаз со значка, а его голос был спокоен, как море перед бурей. — Это железная цепь, которой вы сковали совесть.

Он повернулся к камерам. Кровь продолжала сочиться из-под бинтов, и капля за каплей падала на пол.

— Семь лет назад мне сломал ногу племянник одного из директоров, — его взгляд скользнул по президиуму. — А донос написал Се Линь.

— И он же замял это дело.

— Но сегодня...

Он резко повысил голос, отчего даже свет лампы качнулся:

— Стоящие здесь и отказывающиеся признать поражение — это все мы!

Не успел он договорить, как Линь Е сделал первый шаг и встал за его спиной. Чэнь Юй последовал за ним, а затем — тот самый вратарь со скамейки запасных, которого два года держали в изгнании, тот крайний нападающий, которого клеймили безнадежным тупицей на поле... Один, два, десять... двадцать.

Они стояли в поношенной форме, со шрамами от старых травм, молчаливо выстроившись в ряд.

— Нам нужно, — начал Линь Е.

— Не золото чемпионата, — подхватил Чэнь Юй.

— А справедливость! — в один голос выкрикнули все, и эта волна звуков ударила в потолок, заставив хрустальные подвески люстры зазвенеть.

Вспышки камер заслепили глаза, репортеры забыли о записях и лишь судорожно щелкали затворами.

Се Линь по-прежнему сидел на своем месте, словно позабытая статуя.

Пока Лу Цзин не вернулся к нему, не присел на корточки и не протянул руку.

— На этот раз, — тихо произнес он, — тебе решать, оставаться мне или нет.

Се Линь долго молчал, прежде чем медленно поднять руку и снять с груди тот самый значок, приколотый к стене. Он опустел, а гвоздь торчал с обратной стороны, напоминая шрам.

Он ничего не сказал, лишь бережно вложил значок в ладонь Лу Цзина.

Ладонь была теплая, а значок — ледяной.

— Я... — горло Се Линя перехватило, а голос звучал так, будто доносился из-под земли. — Я боялся, что ты меня ненавидишь, и все эти семь лет не смел жить нормально.

Лу Цзин не шелохнулся.

— Но ты вернулся не для того, чтобы ненавидеть меня, — Се Линь наконец поднял глаза, и в них блеснули слезы, но так и не упали. — Ты вернулся, чтобы я снова научился... быть тренером.

Лу Цзин легко улыбнулся.

Он снова прикрепил значок к груди Се Линя, а его палец скользнул по выгравированной строчке — Первый тренер.

— А теперь, — произвел он, — твоя очередь учить меня.

Он развернулся и зашагал к выходу.

Позади Линь Е подбежал к нему и набросил на плечи куртку.

— Куда мы? — спросил Линь Е.

— На поле, — ответил Лу Цзин. — Скоро пойдет дождь.

Се Линь не двигался с места. Он только опустил взгляд на значок у себя на груди — тот больше не принадлежал клубу, не принадлежал кубку и не подчинялся ничьим чужим правилам.

Он принадлежал лишь тому мальчишке, который полз к угловому флажку под проливным дождем, и тому человеку, который прятал клочки бумаги в нагрудном кармане перед камерами наблюдения, но все равно протягивал руку помощи.

Он медленно поднялся и последовал за ними.

За дверью сгущались грозовые тучи.

Первая капля упала на ступени.

Лу Цзин не раскрыл зонт, Се Линь тоже стоял неподвижно.

Пока Лу Цзин не обернулся и не крикнул: — Иди играть в центр нападения!

Се Линь остолбенел: — Я семь лет мяча не касался.

— Но ты помнишь каждое перемещение, — Лу Цзин легонько подкинул мяч носом ботинка и отпасовал ему. — Давай, беги, как семь лет назад.

Се Линь сбросил куртку и босиком бросился под дождь.

Брызги грязи полетели на штанины. Он неуклюже побежал, развернулся, замер и нанес удар — словно ребенок, только что научившийся ходить.

Лу Цзин стоял под навесом и наблюдал за ним.

Шум дождя звучал как барабанная дробь.

Он улыбнулся.

Это была первая улыбка за семь лет.

А Се Линь посреди грязи и луж впервые в жизни ни от чего не прятался.

<http://bllate.org/book/19070/1873143>